

ЛОКАРМЕН

РАСКРЫТЬ

Лазарь Кармен

Цветок

В Одессе нет улицы Лазаря Кармена, популярного когда-то писателя, любимца одесских улиц, любимца местных «портосов»: портовых рабочих, бродяг, забияк. «Кармена прекрасно знала одесская улица», – пишет в воспоминаниях об «Одесских новостях» В. Львов-Рогачевский, – «некоторые номера газет с его фельетонами об одесских каменоломнях, о жизни портовых рабочих, о бывших людях, опустившихся на дно, читались нарасхват... Его все знали в Одессе, знали и любили». И... забыли?..

Он остался героем чужих мемуаров (своих написать не успел), остался частью своего времени, ставшего историческим прошлым, и там, в прошлом времени, остались его рассказы и их персонажи. Творчество Кармена персонажами переполнено. Он преисполнен такой любви к человекам, грубым и смешным, измороженным и мечтательно изнеженным, что старается перезнакомить читателей со всем остальным человечеством.

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0009
III.....	.0013
IV.....	.0015
V.....	.0019
VI.....	.0021
VII.....	.0023

**Лазарь Кармен
Цветок**

Каменное – бедное, пригородное село, живет исключительно каменным промыслом.

Оно стоит на твердой каменистой почве, изрытой и источенной внутри в сотнях направлений, и в то время, когда все мужчины роются в ней наподобие кротов, уходя все дальше от ясного неба, света и здорового воздуха, откалывая плахи и распиливая их на четверики и шестерики, женщины, старики и дети тянутся с камнем на небольших тележках в город в надежде найти покупателя и привезти лишний рубль. Село по этой причине кажется вечно вымершим.

Днем в тесных переулках его не встретите ни души, разве двоих-троих ребятишек, тощую понурую коровенку да ленивую шавку. То же и сейчас.

Полдень. Солнце жжет немилосердно. Изредка с лимана набежит легонький ветерок. И ни единого звука кругом. Хоть бы завыла собака или зачирикала птица.

Впрочем, о птицах в Каменном и помыш-

лечь нечего. Птиц здесь совсем нет, а если какая и залетит, то, покружившись, пощebetав и не высмотрев ни одного сносного деревца, мчится демонстративно прочь.

Единственные лица, находящиеся в данный момент на всем селе, на поверхности, – писарь и староста, играющие в «дурачки», ба-тюшка, перелистывающий «Церковный вест-ник», учительница и Пахомовна с внучкой, что живут на краю села в мазанке.

Пахомовна – скрюченная в колесо старуш-ка – хлопчет у печи. Внучка же, лет одинна-дцати, Саша, или Цветок, прозванная так ка-меноломщиками, живая, как ртуть, игривая хохотунья, возится на полу с Жучкой. Она за-плетает ее длинную шерсть в косички, щеко-чет, и обе катаются по полу, наполняя убогую мазанку возней, смехом и лаем.

– Бабушка, а бабушка!

– Что, Саша?

– Скоро обед?

– Скоро, потерпи маленько.

– Тятка, верно, проголодался уже.

– Знаю, знаю! – И старушка помешала в горшке, а внучка возобновила прежнюю воз-

ню с Жучкой.

Вскоре послышалось бульбукание. Старушка отлила часть супа из горшка в маленький горшочек, старательно накрыла его, обложила тряпицей и увязала вместе с хлебом в платок.

– Готово. Неси!

Девочка быстро вскочила, сбросила с себя Жучку, которая смешно перекувырнулась и шлепнулась о пол, поправила волосенки, сыпавшиеся светлыми кольцами на глаза, шею и плечи, захлопала в ладоши и запела весело:

– Готово, готово!.. Да ну, отстань, Жу-учка.

Бабушка торопливо сунула ей узелок в одну руку, горящую лампочку в другую, ласково выпроводила за дверь и прошамкала:

– Только, деточка, того, не разбей лампочки и не лезь одна в мину, заблудишься. Жди. Кто-нибудь полезет, и ты тогда. Слышишь?

– Слышу, – закивала головой Цветок и помчалась по переулку.

Жучка бросилась вслед, наскакивая на нее, лижа ее голые бронзовые ножки и кусая зубами края ситцевого платица.

У волостной избы девочку окликнул старо-

ста:

– Куда?

– К тятке, обед несу, – бойко отрапортовала она.

– Скажи, что у меня к нему дело!

– Скажу!

– Стой! – загородила ей потом дорогу учительница.

– Ой, некогда! – птичкой заметалась в ее объятиях Саша. – Татьяна Павловна, милая, пустите, лампочку разобьете!

Но учительница не пускала.

– Приходи вечером, чай будет и ватрушки.

– Приду, приду!

Она позволила поцеловать себя и помчалась опять, уже не слыша, как звал ее, ухмыляясь в окне, батюшка.

Хотя каменоломен в Каменном несколько, но роятся сельчане только в одной, «Золотом дне», где камень гуще, звонче, без предательских жилочек и похож на только что промытое золото.

«Золотое дно» имеет до тысячи мелких и больших галерей в две, три и пять верст, частью заваленных осевшими потолками, частью заброшенных, и берет свое начало из широкой котловины позади села. К этой котловине и бежала девочка. Добежав, она осторожно спустилась по грубо высеченным в земле ступеням и очутилась лицом к лицу с круглым отверстием.

Девочка поправила лампочку и развязавшийся узелок, прикрикнула на Жучку, перекрестилась, порхнула, и мина проглотила ее.

С первого же шага необутые ножки ее глубоко ушли в желтый и вязкий песок, и на нее пахнуло могильной сыростью. С обеих сторон, точно намереваясь сплющить ее, встали низенькие, потные и грязные стены. А над головой дамокловым мечом низко свесился по-

тресканный потолок, на каждом шагу поддерживаемый деревянными подпорками. И вот-вот, казалось, подпорки не выдержат, треснут и потолок сядет.

Но девочка привыкла к этому потолку и подпоркам. Они не пугали ее и, неся перед собой высоко мигающую и начинающую коптить от недостатка воздуха лампочку, она подвигалась храбро и без робости.

С каждым шагом, однако, она становилась скучнее. Улыбка сбезкала с лица, искорки в глазах потухли.

Жучка приуныла тоже и плелась, понурившись.

Воздух стал спертее, потолок ниже, галерея уже, песок под ногами влажнее и копать в лампочке гуще. Стеклышко совершенно затянулось копотью, и вместо пламени тлела одна искорка, от которой тянулись вверх черные нити.

Девочка вздрогнула. В двух шагах позади треснула подпорка, и с потолка с шумом отвалилась глыба. Жучка тревожно залаяла.

Отвалившаяся глыба наполовину загородила ход. Отвалилась она секундой раньше, она

похоронила бы под собой и девочку и Жучку.

Девочка покачала головой и перекрестилась.

В эту минуту невдалеке блеснул огонек и послышался визг колес. Катилась к выходу тележка, нагруженная камнем.

Блеснули потом лошадиный круп и хвост, шины колес и детский профиль.

– Кто?! – раздался с тележки пискливый и лукавый голос.

– Я! Ты, Ваня?! – обрадовалась Саша.

– Какой такой я?! Черт с рогами?!

– Цветок!

– Какой Цветок!

– Чего, Ваня, дурака валяешь?! Тятке скажу, он тебе даст!

– Боюсь много твоего тятки. Тпрру, окаянная! – раздалось совсем близко, и в трех шагах от Саши врылась в песок полуслепая, поматывающая облезлой головой клячонка.

С тележки сполз карапуз в ситцевой рубашке, картузе и коротких штанишках.

– Обед несешь? – деловито спросил он, ткнув в ее узелок кнутовищем.

– Обед. А в каком припоре работает нынче

тятка?! Покажи!

– Ступай прямо, потом – налево. Только не зацепись носом! – засмеялся карапуз. – Жучка, подь сюда!

И, поймав собачонку, он стал безжалостно тербить ей хвост и уши.

Жучка подняла отчаянный визг.

– Пусти! Чего мучаешь?! – вступилась Цветок. – Ей-богу, тятке скажу!

– Ишь, ябедница! Ну, проваливай, кукла чертова, с дороги! Но, но!..

Карапуз бросил Жучку, влез на тележку и дернул единственную веревочную вожжу.

Саша пошла дальше. Скоро замаячили бледные огоньки и послышалось слабое визжание пил, глухое туканье ломов и человеческий говор.

Девочка окончательно ободрилась и вихрем понеслась к припору.

– А, Цветок, Саша!

Шестеро каменоломщиков, рослых, бородастых, с обнаженными по пояс и черными от копоти торсами и лицами, приостановили работу и уставились с улыбкой в девочку, которую прижимал к груди седьмой – отец, молодой товарищ.

В мрачном, сыром и тесном, как склеп, припоре стало весело. Точно потоком хлынул сюда свежий воздух, точно расступились стены, взвился потолок, и над рабочими засверкало ясное весеннее небо. Каменоломщики преобразились, ожили.

Так бывало с ними всегда.

Работают они каторжно по нескольку суток, не видят солнца и неба, глотают желтую известковую пыль и ламповую копоть, дово-

дядю до одурения, дышат, и вдруг явится Цветок. Свежая, сияющая, игривая, она разве-селит всех, и на каменных лицах расцветают улыбки.

Она и теперь, вырвавшись из объятий отца, достала из кармана дудочку, запищала и завертелась, как вьюн.

– Ну и девочка! – покачал седой головой старый каменоломщик. – Касаточка наша! Храни ее царица небесная. – И он издали перекрестил ее.

– Цветок, какая нынче погода? – спросили ее разом два каменоломщика.

– Ха-а-рошая. Солнышко! Пчелки летают! А тут у вас, фу!..

– Нехорошо у нас, точно! – согласились они.

– Мама вернулась из города? – спросил отец.

– Н-нет! А староста велел сказать тебе, что у него до тебя дело. Чего же, тятенька, не ешь? Я тебе супец принесла!

И, погнавшись с шумом и смехом за Жучкой, она вновь вьюном завертелась по припо-ру.

IV

Каменоломщики сели завтракать. Они ели молча, вяло.

Несколько ламп, дымящих и выбрасывающих тучи сажи, бледными пятнами играли на их изжелта-черных лицах, на распиленных кусках камня и брошенных железных ломах.

– Как бы не сел! – сказал, задрав голову, один. – Поштурковать, что ли? Степа, дай лом!

Степа, мрачный каменоломщик, дал лом, и тот поштуркал потолок.

– Слаб? – спросил Петр.

– Совсем. Как сыр, мягкий. Вот и трещина! Еще!.. Утекать надо.

– Чего утекать! – недовольно заворчал Степа. – Покончим раньше с плахой.

– А если задавит!

– Меньше каменоломщиком, а то и двумя-тремя будет. Беда большая. Берегись не берегись, все равно под землей кончишь.

– Тятенька! – позвала Саша.

– Что?

– Плаху валить будете?

– Хочешь посмотреть?

– Да.

– Можно.

Петр встал, смахнул с курчавой бородки крошки и широко перекрестился.

– Много еще осталось подсекать? – спросил он Степу.

– Самый пустяк.

– Так живее!

Степа зарылся в мокрый песок и стал подпиливать короткой пилой у корня плаху. Другой ломом упорно и как дятел долбил ее вверху у потолка.

– Готово!

Стена шириною в сажень, вышиною в столько же, вырезанная со всех сторон, ждала, чтобы ее повалили.

Цветок из-за угла, куда отвел ее отец, с интересом следила за приготовлениями каменоломщи-ков. Ей не первый раз приходилось видеть, как валят плаху.

– Клади постель, жи-и-ва! – распоряжался Петр.

Каменоломщики натаскали гору песку, на которую должна была лечь плаха, и разров-

няли ее.

– Эх, кабы не был слой! – сказал Петр, указывая на предательскую коричневую жилку на плахе.

– Кажись, слой!

– Слой и есть! – вздохнул старый каменоломщик. – Боюсь, загремит.

– Не каркай, старый! – набросился Степа.

– Валить, что ли?!

– Вали!

У плахи по обеим сторонам стали двое, остальные поодаль, и в припоре сделалось сразу тихо, как в могиле. Слышно было, как бьются тревожно сердца у каменоломщиков, как потрескивают лампы и как далеко-далеко, в заброшенных припорах со странным шорохом осыпаются потолки и стены. Чуялось приближение торжественного момента.

– Господи, благослови!

Плаха дрогнула, закачалась.

– Беррегись!

Раздался треск. Плаха опрокинулась и легла на постель, родив густое облако пыли.

– А чтоб! – послышалось энергичное ругательство.

Облако разорвалось.

Каменоломщики стояли мрачные, злые, и у ног их валялась, рассыпавшись на десятки кусков, плаха.

– Вот она, каторга! – сверкнул глазами Степа. – Возились весь день, и что?!

– Плох стал камень нынче, очень плох! – покачал головой старик. – Все слой да слой! Этак с голоду помрешь!

– И помрем!

Кто-то сзади обнял Петра. Он повернулся и увидел Сашу. Она прижималась к нему и ласково и с любовью заглядывала ему в глаза.

– Тятенька! Не горюй!

– Что ты?! Хочешь домой?

– Хочу!

Он с размаху вонзил лом в песок, взял ее за руку, и они пошли.

С уходом Саши в припоре стало еще мрачнее, тоскливее.

Петр, освещая дорогу, вел Сашу осторожно, часто приподнимая ее и перенося через валявшийся на земле бут – мелкий камень.

– А нынче, тятенька, потолок завалился. Чуть не задавило, – открылась Саша.

– Что ты? Где это было?!

– В первом проходе.

– Испугалась, девчурка?

– Нет! Жучка вот... Тятенька, Ванька обижают меня. Шла я к тебе, он – навстречу. «Ты, Ваня?» – спрашиваю. А он давай ругаться и Жучку мучить. Выдери его за уши!

– Будь покойна! А ты вот что, детка. Не смей больше ходить сюда. Ты или заблудишься, или задавит. Знаешь, – добавил он серьезно, – тут волки бегают!

– Правда? – улыбнулась недоверчиво Саша.

– Правда! И какие страшные, злющие. Съесть могут!

Вдали, в ста шагах, заблестел своим круглым отверстием выход.

– Тятенька! – вырвалась из его рук девочка – Я теперь сама пойду.

– Боюсь, заблудишься.

– Не бойся!

– Так ступай скорее!

Отец остановился и счастливыми глазами провожал ее. Она мчалась вместе с Жучкой к выходу.

– Скажи маме, – крикнул он, – что сегодня и завтра еще буду в mine! Пусть сама обед носит, тебя не пускает. – И он пошел обратно в припор.

Саша была уже у выхода. Вдруг Жучка повернула назад.

– Жучка, Жучка! – стала кликать Саша.

Но Жучка не слушалась.

Саша бросилась вдогонку.

Та вильнула в сторону. Саша тоже.

Жучка опять – в другую. Она шмыгала из галереи в галерею, сворачивая во все спутанные разветвления старого, заброшенного лабиринта.

– Жучка, Жучка! – не переставала гнаться и кликать глупую собачонку Саша.

Злой подземный дух тянул к себе вглубь и собачонку и девочку, как втянул в свои лабиринты не одного уже каменоломщика.

VI

Поздно вечером вернулась мать Саши из города.

– Где Цветок? – спросила она старушку.

– Не знаю. Была у батюшки, у старосты, учительницы, и нигде ее нет. Петр, должно быть, задержал ее у себя в припоре.

– В припоре? – удивилась мать. – Чего держать там ребенка. Простудить, что ли, хочет ее?

И она бросилась в мину.

Ощупью женщина нашла дорогу к припору.

– Где Цветок? – оглушила она мужа.

– Где?! Дома!

– Нет ее дома и на селе нет!.. Петр?!.

Каменоломщик побледнел.

С минуту длилось молчание. Муж и жена, бледные, страдающие, боялись высказать страшное подозрение.

– Она здесь! – через силу и глухо вымолвил Петр.

– Заблудилась!

Петр схватился за голову и бросился к вы-

ходу.

Там, где покинула его Саша, он припал к земле. На песке чернели незатертые следы ног и собачьих лапок. Они вели в лабиринт.

Петр дико оглянулся и, прежде, чем жена опомнилась, исчез в лабиринте.

VII

Прошло три дня. Петр не являлся, его считали погибшим. Но он не погиб.

Он явился на четвертый день, но в каком виде. Волосы всклокочены, глаза блуждают, руки и лицо в ссадинах.

Он все время искал Сашу. Залезал с риском в отдаленнейшие галереи, пробивался через завалы, кричал, звал, падал на колени и молил бога вернуть ему его Сашу.

В одной галерее потухла у него лампочка, и он бродил ощупью, не обращая внимания на сыплющиеся на него песок и куски камня.

– Саша, Саша! – звал он.

Но безответно было подземелье. Смертью веяло от его заброшенных галерей и припоров, и его не трогали стоны и рыдания безутешного отца. Оно не хотело возвратить ему его дочери.

Каменоломщик помешался.

С того дня, покинув дом и село, он шатался по всем галереям подземелья.

– Саша, Цветок! – звал он в отчаянии.

По временам несчастный сворачивал в

припоры к каменоломщикам, оглядывал их и таинственно спрашивал:

– Не видали Саши?

Те отрицательно качали головами, и он уходил дальше. И ни на минуту не умолкало в галереях его тоскливое:

– Цветочек, Саша!